

ЭТНОГРАФИЯ ДЕТСТВА ЧУВАШЕЙ ПО ДАННЫМ АВТОБИОГРАФИЙ

Работа представлена кафедрой археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

Автобиография является одним из важных источников в изучении детства. В ней можно найти интересующие нас данные о традициях и обычаях, связанных с взрослением и воспитанием детей. Сходство и повторяемость детского периода дает ощущение достоверности и устойчивости воспоминаний. Эти признаки присущи и описательному, и оценочному повествованиям. В автобиографии большое внимание уделено запомнившимся впечатлениям и событиям, связанным с жизнью и смертью, болезнями. Жизнь отдельного человека, вплетенная в жизнь общественную, представляет собой структурируемый процесс. В судьбе любого воспитанника можно выделить интенциональный процесс, когда намеренно делаются шаги, которые должны вывести из нежелательной ситуации, и институциональный, когда дети начинают учиться в учебных заведениях, проходят через семейный цикл и делают профессиональную карьеру.

Ключевые слова: автобиография, детская религиозность, социализация, образ детства, игры.

О. Egorova

ETHNOGRAPHY OF CHILDHOOD OF THE CHUVASH PEOPLE ACCORDING TO AUTOBIOGRAPHIES

Autobiography is one of the most important sources in study of childhood. One can find interesting data about traditions and customs relating to becoming adult and children upbringing. Similarity and repetition of the childhood period make it clear that reminiscences are reliable and constant. These features reside in descriptive as well as in evaluative narrations. In autobiographies one pays great attention to impressions and events, which remained in one's memory and are concerned with life and death, corporality and diseases. A life of a single person, interwoven into the

community life, represents a structured process. In a destiny of every single child one can distinguish an intentional process, when one deliberately takes steps which should help out with an objectionable situation, and an institutional one, when children begin to study at educational institutions, make families and climb the professional ladder.

Key words: *autobiography, children religiousness, socialisation, image of childhood, games.*

Растущий интерес к изучению детства может считаться не только показателем, но и важным фактом изменений, происходящих в последние годы в рамках изучения истории/этнографии/антропологии детства как научных дисциплин. В ходе изучения наиболее важной проблемы открываются более новые подходы и методы. Междисциплинарные параллели в постановке этой проблемы помогут пониманию более совершенного взаимодействия идей. Источники по истории детства составляют особый пласт документов.

Автобиография является одним из важных источников в изучении детства. В ней можно найти интересующие нас данные о традициях и обычаях, связанных с взрослением и воспитанием детей: имянаречении, крещении, питании, одежде, способах и ритуалах их включения во взрослую жизнь. В отечественной историографии накоплен достаточно большой опыт работы с такого рода текстами и обобщены его результаты. Наибольших успехов в этом направлении добилась на сегодняшний день созданная в 1997 г. при кафедре педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета Российской Академии образования проблемная инициативная группа по исследованию автобиографических текстов взрослых о детстве и обобщающие исследования исторического, психологического и историко-педагогического характера. Существенный теоретический вклад в изучение проблем специфики автобиографической памяти и ее роли и места в историческом исследовании внесли работы В. Г. Безрогова и О. Е. Кошелевой [1, 2, 3].

Объектом данной статьи являются автобиографии воспитанников и учеников Казанской духовной семинарии, Казанской земской учительской школы, Казанской учительской семинарии, Братских школ, хранящиеся в фонде Н. В. Никольского Чувашско-

го государственного института гуманитарных наук. Значительная часть автобиографий представляет собой тексты-воспоминания, изложенные в форме школьных сочинений. В преобладающем большинстве своем и эти источники есть источники «провоцированные», продуцированные, т. е. составленные не по собственной инициативе детей, а по просьбе, а зачастую – при прямом вмешательстве взрослых. Поэтому наряду с фиксацией, интерпретацией и актуализацией событий, явлений и состояний, значимых для ребенка и отложившихся в его памяти, они содержат то, что было важным и существенным в тот момент для «работавших» с ним взрослых [4, с. 67–68]. В данном контексте можно отметить, что дети описывают свою биографию, чтобы объяснить причины их поступления в то или иное учебное заведение. Автобиографии, главным образом, принадлежат мужчинам, поскольку основное число поступавших на обучение в указанные заведения составляли мальчики. Ранние годы жизни воспитанники реконструировали на основе некоторых фактов, запомнившихся им по рассказам родителей.

Подготовку к родам и рождение ребенка чувашки относили к миру сакрального, поэтому подробности такого события были известны только узкому кругу взрослых людей, имеющих непосредственное отношение к ним. Детям об этом не рассказывалось. Самые ранние воспоминания авторов о своем детстве относятся лишь к периоду крещения и имянаречения: «Крестили 29 мая во имя святого апостола Павла, назвали Павлом [7, л. 417]», «Крестили в день именин Иоанна Предтечи, назвали Иваном» [14, л. 239].

В бытовой речи чувашки изменяли звучание официального имени, и порой дети до школы не знали свое официальное имя: «В классе на вопрос как меня зовут я отве-

тил «Стенки» и это вызвало смех, поскольку звали Константином» [17, л. 139].

С крещением старались не затягивать, поскольку, по народным представлениям, некрещеному ребенку могли повредить нечистые силы и младенцем мог завладеть «злой дух». О. Калсанов – воспитанник Казанской учительской семинарии вспоминал, что его крестили через 10 дней [8, л. 5] после рождения, других – через одиннадцать [6, л. 16]. Васильев Николай – ученик Ишаковской Братской школы в своей автобиографии отметил, что 2 февраля родился, а 4 уже крестили [17, л. 136].

Крещение и крестины являлись обрядами, с помощью которых новорожденный включался в этноконфессиональную общность. Данные действия означали объединение ребенка со своей семьей и общиной, приобщение ко всему многообразию народной жизни с ее радостями и заботами.

Будущее детей матери предсказывали по снам. Слушатель чувашского отдела Федор Краснов вспоминал рассказ о том, что в ночь перед его рождением мать видела сон, в котором она нашла на берегу водоема меч с изогнутым концом, а накануне она видела двух ежей, переходящих ей дорогу. По воспоминаниям матери, Федор родился с увечной рукой. Мать стеснялась показывать ребенка людям [16, л. 87–88].

Рождаемость детей была высокой, однако исследованные автобиографии свидетельствуют о таком же высоком уровне смертности. В автобиографиях находим следующие высказывания: «родился седьмой по счету» [8, л. 5]; «из двенадцати детей шестеро выжили, остальные умерли» [19, л. 33]; «старшие два брата померли еще детьми» [8, л. 24].

В дореволюционной Чувашии основными причинами смерти детей на первом году жизни были желудочно-кишечные и инфекционные заболевания, болезни органов дыхания. В воспоминаниях мы встречаем фразы: «До четырех лет я был здоровый, но после этого пошла неблагоприятная пора жизни. Пошли непрерывные болезни: то оспа, то корь и т. д.» [8, л. 24]; «Когда исполнился год, заболел болезнью, которая приводит к

искривлению позвоночника» [17, л. 139]. Болезни детей многие чуваше объясняли действием материалистических и физических сил, злых духов. Разговоры родителей между собой надолго запоминались детям: «Когда заболела сестра, приглашали бабушку, действия которой мне были непонятными и мать их не объясняла, но сестра вскоре умерла и мать в беседе с отцом говорила, что и ворожение не помогло» [9, л. 406]. Основная тяжесть заботы о детях и их лечения от болезней ложилась на матерей, что хорошо понимали авторы и часто с благодарностью писали об этом в своих автобиографиях: «Только благодаря ухаживаниям любящей матери перенес эти трудные минуты» [8, л. 24].

Почти все воспитанники по автобиографическим сведениям были детьми крестьян. Их главным занятием было земледелие, а второстепенным – пчеловодство, садоводство, кирпичное дело [8, л. 5], занятие лесным промыслом [8, л. 21; 10, л. 449], столярными и плотницкими работами [13, л. 101]. Чтобы прокормить семью, родителям приходилось много работать. Из-за сильной занятости как на работе, так и дома, у них не оставалось время на детей. В одном из воспоминаний мы встречаем: «...а меня мало оставляли на попечение чужих людей, где, конечно, я никогда не видел добрых, ласковых родительских отношений. Потому мне очень и очень неприятно вспоминать свое детство. Так как я в детские годы (до 7-летнего возраста) время большей частью проводил у чужих людей, мне страшно хотелось побывать в своем доме. Но меня не пускали. Потому я обиженный не любил болтать с чужими людьми о чем-либо, иногда я нарочно, чтобы не видеть их, удалялся в уединенные закоулки, плакал и наконец застыл» [6, л. 16–17].

В своих автобиографиях авторы отмечают сильную зависимость их семей от зажиточных крестьян: «Приходилось им заниматься у богача, который за это заставлял работать (большей частью – жать) день, два, безвозмездно, или покупать» [7, л. 419].

Некоторые воспитанники критически относились к существовавшим методам вос-

питания, которые использовали их родители, и часто возникающим причинам невнимательного отношения к детям: «...воспитывали даже так, как не следует. Потому я не помню из своей детской жизни ни одного веселого дня: только и помнятся одни слезы. Это объясняется тем, что родители мои не имели средств к пропитанию: занятия земледелием не вполне удовлетворяли, приходилось искать посторонних заработков и отсутствовать из дома. А меня малого оставляли на попечение чужих людей, где, конечно, я никогда не видел добрых, ласковых родительских отношений. Потому мне очень и очень неприятно вспоминать свое детство» [6, л. 16].

Однако наряду с подобного рода грустными воспоминаниями можно встретить и радостные: «В детстве я не знал ни горя, ни заботы. Жизнь была самая веселая и беспечная. С утра до вечера бывало играл с ребятами на улице» [5, л. 216–217]; «В течение восьми лет я кроме добрых примеров и советов, ничего не видал плохого» [10, л. 449].

Особенности влияния расширенной семьи на развитие ребенка обнаруживаются при анализе социализирующей роли бабушек, к которым дети обычно особенно привязаны. Бабушки – знатоки культуры предков – удовлетворяли духовные потребности ребенка, рассказывая различные сказки и притчи: «Ухаживала с малых лет бабушка, которая рассказывала сказки» [14, л. 253]. Старики нередко выдумывали истории на разные сюжеты и рассказывали их детям, которые, в свою очередь, с большим удовольствием слушали и пересказывали их своим сверстникам [10, л. 465].

Таким образом, социализация ребенка происходила в условиях его ближайшего окружения, которое составляли родители, братья и сестры, сверстники, другие родственники. Они использовали разные стили и методы воспитания, но все же основную воспитывающую функцию выполняли родители: «Меня по возможности родители старались удерживать от сквернословия, так что я среди товарищей отличался скромностью в выражениях и эти безобра-

зия производили на меня удручающее впечатление» [10, л. 465].

На историю жизни детей очень сильное воздействие оказывала та непосредственная среда, в которой они жили. В доме очень важными факторами выступали отношения между родителями. Иван Федоров, воспитанник Казанской Учительской Семинарии, отмечал отсутствие согласия между родителями. В своей автобиографии он отмечал: «Часто происходили даже кровавые сцены, которые, по всей видимости, способствовали моей замкнутости и молчаливости. Ни в чем неповинный ребенок видел эти сцены и боялся, чтобы люди не знали об этих печальных сценах нашей семьи» [10, л. 465]. Дети тяжело переживали семейные конфликты, вследствие чего убегали из дома, чтобы отогнать от себя печальные воспоминания [10, л. 466].

В своих автобиографиях воспитанники чаще всего упоминают отцов. Можно встретить разные портреты, созданные детьми, но в основном авторы отзывались о них как о любимых, достойных уважения. Однако отдельные авторы писали о своих отцах как о плохих семьянинах и пьяницах: «Он меня очень любил, поэтому мне его век не забыть, да и жили мы лучше при нем» [10, л. 140]; «Отец, несмотря на около 60-летний возраст работает и воодушевляет семейство» [8, л. 34]; «Отец работающий и пьяница» [10, л. 106 об.]; «К сожалению за отцом был порок – пьянство, следствием которого было убийство (моей матери и мое сиротство). Отца приговорили в Сибирь» [13, л. 101].

Приведенные воспоминания говорят о серьезном влиянии на развитие ребенка домашней атмосферы, взаимоотношений между родителями, между родителями и детьми. Еще в раннем возрасте дети чутко воспринимали конфликты и радостные события: наиболее яркие из них откладывались в сознании детей в виде определенных установок, что позволяет говорить о влиянии положительного или отрицательного восприятия отца на формирование характера ребенка и его воспитанности. Через осмысление фактов собственной биографии дети фиксируют и складывают свою модель семейной жизни.

Автобиографии помогают нам понять не только трудности роста ребенка, но и горе и скорбь, страдание и потери. Дети переживали смерть родителей очень тяжело. В автобиографиях воспитанники пишут, что при жизни отца они играли, бегали в лес за ягодами, собирали цветы, были более свободными, могли познать радости детской жизни, а после похорон отца отмечали отсутствие свободного времени, так как им приходилось выполнять непосильную работу, невнимание матери [18, л. 140]. Неожиданная смерть отца, повлекшая за собой глубоко личные переживания, внезапно возникшие трудности требовали от детей мобилизации всех внутренних ресурсов.

Мать была самым дорогим в жизни воспитанников. Все они с огромным уважением и любовью характеризуют своих матерей, чьи образы неразрывно связаны с такими понятиями, как трудолюбие, забота, преданность детям, так как именно матери проводили с ними большую часть времени, ведя хозяйство в отсутствие отца. Многие отцы зарабатывали деньги во время отходничества, и в их отсутствие ведение хозяйства было в ведении матери [8, л. 5]. О матерях сохранили самые лучшие воспоминания: *«Мать добрая, хорошая, сердечная женщина»* [13, л. 106об.]; *«Мать в свободные часы учит братьев читать. Все мои братья и я до поступления в школу умели читать. Младшая сестра стала читать с 5 лет и немного умеет писать»* [8, л. 10]; *«...перед смертью она сказала отцу, чтобы он постарался дать мне надлежащее образование. Она желала, чтобы я был молитвенником за родителей. Это событие потрясло меня до глубины души и долго я не мог примириться с совершившимся событием»* [8, л. 29].

Нередко вследствие послеродовых болезней матери умирали, и отцы женились по второму и третьему разу. Заметим, что не во всех семьях складывались доброжелательные отношения между мачехой и приемными детьми: одних мачех дети характеризуют злыми, отмечают их равнодушное отношение к грязной одежде, вторых сравнивают с родными матерями и называют «второй мамой» [15, л. 567].

В доме очень важными факторами выступали религиозные верования членов семьи. Немаловажное значение родители придавали религиозному воспитанию. Но чаще всего обращение к православию не являлось серьезным личностным выбором, скорее это следование традициям семьи: *«Когда исполнилось 6 лет я начал ходить с отцом в церковь. Он просил меня ставить свечи, давать милостыню просящим ... Отец учил меня чувашским молитвам в течение пары часов. Во время Спаса вместе с отцом постился и ходил в церковь»* [11, л. 40–41]; *«Домашнее религиозное воспитание и суровое исполнение обрядовой стороны религии (например, мать предварительно не прочитавши вместе с нею несколько молитв, не укладывала спать) поддерживалось и в школе»* [8, л. 14]; *«Я часто уединялся для молитвы, один раз убежал в лес, но голод и страх перед надвигавшейся ночью заставили меня вернуться домой»* [8, л. 15].

Автобиографии играют важную роль при реконструкции понимания становления верующего человека, отношения к религии в школе, всей религиозной жизни человека, пути религиозной социализации. Во многих семьях, принявших христианство, сохранялись языческие традиции: пекли ритуальные лепешки, проводили обряд «Чуклеме», причем объяснялось соблюдение подобных обрядов тем, что русский священник ничего не рассказывал о православии [9, л. 198]. Учащийся Тарас Максимов из села Нижарово Янтиковского района Чувашской Республики вспоминал, что особо чтили праздник Семик – день поминания умерших, когда парами, подвесив на шею бубенчики, шли на кладбище некрещеных чувашей. По дороге проходили мимо Киремет (места жертвоприношения чувашей) молча, поскольку боялись, что разговоры могут повлечь за собой неприятные последствия [12, л. 462–463]. Большое внимание чуваша уделяли воспитанию в детях почтительного отношения к Киремет и другим священным местам. С раннего возраста детей воспитывали в страхе перед зловредными божествами и необходимости строгого соблюдения различных правил поведения в местах их нахождения.

Главной целью домашнего воспитания детей считали воспитание хорошего человека, прежде всего умелого работника. Чувашские дети с раннего детства вовлекались в домашние дела и весь годовой цикл сельскохозяйственных работ: *«Я начал с 6–7 лет исполнять некоторые работы. Плел лапти и т. д.»* [8, л. 24]; *«На седьмом году уже стали меня брать родители жать. Очень было трудно. Спина болит. Солнце жжет прямо. Пот льется градом. Иногда по неосторожности, срежешь бывало палец еще»* [7, л. 425]; *«С семи до десяти лет пас гусей»* [17, л. 139 об.]; *«Когда мне исполнилось восемь лет стал помогать отцу в его работах: ездил с ним в поле, в лес, в луга и т. д.»* [10, л. 379]; *«До десяти лет молотил хлеб цепями»* [17, л. 193].

В процессе совместного труда дети приобретали трудовые навыки и умения, а также понимали смысл и значение выполняемого труда. Взрослые показывали приемы трудовых операций, а во время дальних поездок знакомили с окружающим миром, объясняя, как извлечь из его богатства практическую пользу. Работа была способом самореализации и самоутверждения. Многие воспитанники отмечали, что уход в «ночное» [17, л. 145, 149, 203] было наградой для маленького ребенка и важным признаком «повзреления». Здесь у костра играли во всевозможные игры. После «ночного» дети до обеда отдыхали, а потом шли на пруд купаться. Родители старались присматривать за детьми, чтобы те ничего не натворили, поскольку за все возможные последствия отвечали сами. В автобиографиях находим оценки своим поступкам: *«Был мальчиком резвым, бойким... Постоянно участвовал во «всех нелегальных похождениях» мальчиков. Красть яблоки, огурцы, морковь и т. д. – это мое дело»* [13, л. 106]; *«Мать отвечала жалующимся, что я ее не слушаю и просила их самих наказывать меня. Поймав на месте преступления меня уже секли сами хозяева»* [13, л. 106].

Так, за участие в краже наказывали, били крапивой, причем это также могли сделать и хозяева, чужие люди, а родители, не смотря на боль ребенка, не жалели, а наоборот, ругали за плохое поведение [9, л. 414].

Игра занимала большое место в жизни детского коллектива чувашей. Именно в игре

ребенок учится взаимодействовать с окружающим миром, не касаясь его вплотную, а лишь моделируя наблюдаемое в нем в своем, безопасном и отгороженном от взрослых пространстве. Здесь соединяются реальность и воображение, создаются разнообразные миры, параллельные взрослому [3, с. 162]. Воспитанники отмечают нехватку времени на игры, но вопреки запретам старших они находили для себя время: *«Мне не особенно позволяли участвовать со сверстниками в детских играх, так что выводило меня из терпения и я часто тайком уходил куда-нибудь играть со сверстниками подальше, чтобы меня не могли скоро дождаться и чтобы вдоволь наиграться»* [10, л. 466].

Весной, как только успевал сойти снег, дети выбегали на проталины и бегали босиком. Любимыми играми были игры в мяч и бабки [11, л. 39]. Загораживая воду, делали водяные мельницы [17, л. 136]. После зимней неволи воспитанники, полные впечатлений, описывают весну с особой радостью: *«Весною, не успел еще сойти снег, показались только где-нибудь на возвышенных местах проталины – мы уже бежим туда, разуваемся и давай бегать по земле. Как легко бегается босому, просто, не чувствуешь ног под собою. В перегонку пустятся, кричат, смеются. Все веселы, все счастливы. Как только сойдет снег с полей и лугов, мы (с товарищами) выгоняли овец на луга. Тут же разводили костры и пекли картофель. Игры здесь уже почти не прекращались: одна игра сменялась другою. Мы, ребята, каждый день ходили в лес собирать съедобные травы. Рвем цветы (весенние), слушаем песни птичек»* [7, л. 422–423]; *«Как поспевали ягоды, мы бегали в лес за ягодами. При этом мы не особенно разбирали: спелые ягоды или нет, более в наши руки попадало зеленых, неспелых ягод»* [7, л. 424].

В зимнее время целыми днями играли в избе или катались на санках со склона горы [17, л. 147]. Ребята постарше в зимнюю пору помогали матерям прясть пряжу, вязать варежки, шить платья, плести лапти [12, л. 460].

Достижение определенного успеха в жизни начиналось с преодоления трудностей семейного биографического пути, неосвоенного родителями. Чаще всего воспитанники

описывают то, как они добились успеха. Практически все отмечают большое желание пойти учиться в школу: «Этому способствовали и мои родители, в особенности отец, который хорошо знал грамоту» [10, л. 466]; «С великою радостью и охотою я принялся за учение грамоте. Очень радостно стало мне, когда я увидел себя между учениками» [7; л. 398–399]; «С великой радостью я кинулся в школу, куда меня и брата повел отец» [8, л. 27].

На желание учиться оказывал влияние внешний вид и поведение ровесников. Николай Никитин, воспитанник Казанской учительской семинарии, вспоминал: «Я как-то в начале августа пошел в церковь. Предо мной проходят два молодых человека оба в ... русской одежде (здесь семинаристы). Я спросил кто они такие и получив ответ, что они тоже чувашки и учатся в Казани сильно позавидовал им... страшно захотелось быть таковыми же» [13, л. 107].

К сожалению, сиротство и отсутствие теплой одежды вынуждало прекращать обучение в школе. Один из воспитанников вспоминал о своем старшем брате: «...он сиротел и вынужден был оставить школу, и принять роль руководителя в хозяйстве» [6, л. 16]. Другой воспитанник отметил, что его не пустили в школу, поскольку «не было никакой теплой одежды, а школа наше находилась в другом селе» [7, л. 426].

В детских воспоминаниях воспитанников наиболее остро запомнились голодные 1891, 1921–1922 гг., охватившие не только Чувашию, но и огромную территорию страны, когда поля выгорели, посевы погибли, яровые не дали зерна. Воспитанники в автобиографиях писали: «У нас в этом году вышел хлеб до нового года еще. Не было корма для скотины. Родители мои принуждены были продать корову. Увидя это, я стал пла-

кать. Мать вошла и стала меня утешать, обещала на будущий год купить корову. Но я плакал, плакал неутешно... На деньги, оставленные мужиком за корову, родители мои купили хлеба. Но, вероятно, его хватило не на долго. И когда [брат] приносил кусок хлеба, то это было праздником. Помню, как я обрадованно бегал в избе взад и вперед с куском черного хлеба в руках» [7, л. 420]; «Тогда у нас вышел весь хлеб до праздника Рождества Христова. Только брат мой кормился хлебом. Он тогда учился в сельской школ., Учеников, у которых родители не имели хлеба, кормили из управы» [7, л. 397].

В автобиографическом повествовании разворачивается персональная история человека. С одной стороны, она непредсказуема, с другой – предопределена обстоятельствами в данной местности и в определенный хронологический период. Сходство и повторяемость детского периода дает ощущение достоверности и устойчивости воспоминаний. Эти признаки присущи и описательному, и оценочному повествованиям. Начало жизни осознавалось возможностью быть несчастным человеком: ранняя смерть родителей, труд, отсутствие свободного для игр времени и возможности учиться, зависимость от зажиточных людей села. В автобиографии большое внимание уделено запомнившимся впечатлениям и событиям, связанным с жизнью и смертью, телесностью и болезнями. Жизнь отдельного человека, вплетенная в жизнь общественную, представляет собой структурируемый процесс. В судьбе любого воспитанника можно выделить интенциональный процесс, когда намеренно делаются шаги, которые должны вывести из нежелательной ситуации, и институциональный, когда дети начинают учиться в учебных заведениях, проходят через семейный цикл и делают профессиональную карьеру.

ПРИМЕЧАНИЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 07-01-22102 а/В, 08-01-18043е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрогов В. Г. «Воспоминания» как источник по истории детства // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. 2001. Вып. 2. С. 65–78.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

2. *Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Мещеркина Е. Ю., Нуркова В. В.* Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Б. М. Бим-Бада. М.: Изд-во УРАО. 2001. Вып. 11. 192 с.

3. *Природа ребенка в зеркале автобиографий: Учебное пособие по педагогической антропологии / Под ред. Б. М. Бим-Бада и О. Е. Кошелевой. М.: Изд-во УРАО. 1998. 432 с.*

4. *Сальникова А. А.* Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.

5. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Т. 132. Инв. № 6027. Л. 216, 217.

6. НА ЧГИГН. Ед.хр. 163. Инв. № 4845. Л. 16, 17.

7. НА ЧГИГН. Т. 167. Инв. № 4925. Л. 397, 398, 399, 417, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426.

8. НА ЧГИГН. Т. 168. Инв. № 4928. Л. 5, 10, 14, 15, 21, 23, 24, 27, 29, 34.

9. НА ЧГИГН. Т. 173. Инв. № 4994. Л. 198, 406, 414.

10. НА ЧГИГН. Т. 180. Инв. № 5164. Л. 379; Инв. № 5169. Л. 449, 465, 466; Инв. № 6073. Л. 106об, 140.

11. НА ЧГИГН. Т. 213. Л. 39, 40, 41.

12. НА ЧГИГН. Т. 216. Инв. № 5679. Л. 460, 462, 463.

13. НА ЧГИГН. Т. 228. Инв. № 5749. Л. 101, 106, 106об, 107.

14. НА ЧГИГН. Ед.хр. 233. Инв. № 5803. Л. 239, 253.

15. НА ЧГИГН. Т. 243. Инв. № 5869. Л. 567.

16. НА ЧГИГН. Т. 265. Инв. № 5965. Л. 87, 88.

17. НА ЧГИГН. Т. 285. Инв. № 6055. Л. 136, 139, 139об., 145, 148, 149, 193, 200, 203.

18. НА ЧГИГН. Т. 287. Инв. № 6073. Л. 140.

19. НА ЧГИГН. Т. 334. Инв. № 6311. Л. 33.